

James Frey **A million little pieces**

ДЖЕЙМС **ФРЕЙ**

МИЛЛИОН МЕЛКИХ ОСКОЛКОВ

МОСКВА
2020

УДК 821.121.1
ББК 84(7Сое)-44
Ф86

James Frey
A MILLION LITTLE PIECES

Copyright © 2003 by James Frey

Изображение на переплете ©2018 MILLION PIECES
HOLDINGS, LLC. ALL RIGHTS RESERVED

Перевод с английского *Ирины Климовицкой*

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Фрей, Джеймс.
Ф86 Миллион мелких осколков / Джеймс Фрей ;
[перевод с английского И. И. Климовицкой]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-104730-6

Джеймсу Фрею 23 года, он просыпается в самолете с выбитыми зубами, понятия не имея, куда летит и где был последние две недели. Он алкоголик и наркоман. Чтобы дожить хотя бы до 24 лет, ему придется пройти шестинедельный курс реабилитации. Ох непросто будет, непросто.

УДК 821.121.1
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104730-6

© Климовицкая И., перевод на русский
язык, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Юноша пришел к Старцу за советом.
Старец, я что-то разбил.
Сильно разбил?
На миллион осколков.
Вряд ли я помогу тебе.
Почему?
С этим ничего нельзя поделать.
Почему?
Целое не восстановишь.
Почему?
Оно навсегда разбито. На миллион осколков.

Я просыпаюсь под жужжание самолетного двигателя, по подбородку сочится что-то теплое. Поднимаю руку, ощупываю лицо. На месте четырех передних зубов дыра, в щеке дыра, нос сломан, глаза заплыли так, что не открываются. Кое-как разлепляю веки, осматриваюсь — сижу в хвосте самолета, рядом никого. Осматриваю одежду — она в разноцветных пятнах слюней, соплей, мочи, блевотины и крови. Пытаюсь нащупать кнопку вызова персонала, нахожу ее, жму, жду, через тридцать секунд появляется стюардесса.

Чем могу вам помочь?

Куда мы летим?

Как, вы не знаете?

Нет.

В Чикаго, сэр.

Как я оказался в самолете?

Вас доставил доктор, с ним еще два джентльмена.

Что они сказали?

Они разговаривали с командиром, сэр. Нам велели не будить вас.

Когда посадка?
Через двадцать минут.
Спасибо.

Даже не глядя на нее, знаю, что она улыбается мне, сочувствует. Напрасно.

Чуть погодя самолет касается земли. Я ищу какие-нибудь вещи, но при мне ничего нет. Ни билета, ни сумки, ни плаща, ни бумажника. Сажу, жду, пытаюсь сообразить, что же произошло. В голове пустота.

Когда все пассажиры вышли, встаю и начинаю продвигаться к выходу. Делаю пять шагов, снова сажусь. Идти нет сил — ясно, как дважды два. Замечаю знакомую стюардессу, поднимаю руку.

У вас все в порядке?

Нет.

Что случилось?

Я вообще не могу идти.

Давайте дойдем до выхода, а туда я подкачу вам кресло.

Это очень далеко.

Вовсе нет.

Встаю. Колени подгибаются. Снова сажусь. Пляшусь в пол, делаю глубокий вдох.

Ничего, все будет хорошо.

Смотрю на нее, она улыбается.

Ну, давайте.

Она протягивает руку, я хватаюсь за нее. Встаю, наваливаюсь на стюардессу, и она тащит меня по проходу. Мы добираемся до выхода.

Подождите, я скоро.

Отпускаю ее руку, сажусь на пол металлического рукава, который соединяет самолет с гейтом.

Идти мне некуда.

Она смеется, я смотрю, как она удаляется, и закрываю глаза. Голова болит, горло болит, глаза болят, руки болят. Болят органы, которым даже не знаю названия.

Хватаюсь за живот. Подкатывает. Стремительный мощный поток обжигающей лавы. Его не удержу.

жать. Можно только закрыть глаза и пропустить.
Меня выворачивает, я корчусь от боли и смрада.
Ничего не могу поделать.

О господи.

Открываю глаза.

Ничего страшного.

Давайте я вызову врача.

Не надо, я в порядке. Мне бы только выбраться
отсюда.

Вы можете встать?

Да, могу.

Я встаю, отряхиваюсь, вытираю ладони об пол,
сажусь в кресло-каталку, которое она привезла для
меня. Она встает мне за спину и толкает кресло.

Вас кто-нибудь встречает?

Надеюсь.

Точно не знаете?

Нет.

А если никто?

И такое возможно. Как-нибудь разберусь.

Мы выходим из рукава в зону прибытия. Не
успеваю глазом моргнуть, как передо мной вы-
растают Отец и Мать.

О господи.

Не надо, Мама.

Боже мой, что с тобой стряслось?

Не надо об этом, Мама.

Боже правый, Джимми. Да что же такое стря-
слось?

Она наклоняется ко мне, пытается обнять. Я от-
талкиваю ее.

Давай скорее выберемся отсюда, Мама.

Отец обходит кресло-каталку. Я ищу взглядом
стюардессу, но она испарилась. Благослови ее Бог.

Ты в порядке, Джимми?

Я смотрю прямо перед собой.

Нет, папа, не в порядке.

Он начинает толкать каталку.

У тебя есть багаж?

Мама плачет.

Нет.

На нас смотрят.

Ты чего-нибудь хочешь?

Я хочу выбраться отсюда, папа. Давай уже, черт подери, рули отсюда.

Меня подвозят к машине. Я перебираюсь на заднее сиденье, снимаю рубашку и ложусь. Отец садится за руль, Мать продолжает плакать, я засыпаю.

Просыпаюсь часа через четыре. Голова ясная, но перед глазами все колышется. Сажусь и смотрю в окно. Мы стоим на заправке где-то в Висконсине. Снега на земле нет, но чувствуется, что холодно. Отец открывает свою дверцу, садится в машину, закрывает. Я дрожу.

Ты проснулся.

Да.

Как себя чувствуешь?

Дерьмово.

Мама пошла помыть руки и купить еды. Тебе взять что-нибудь?

Бутылку воды, пару бутылок вина и пачку сигарет.

Ты серьезно?

Да.

Не стоит, Джеймс.

Мне нужно.

Потерпеть не можешь?

Нет.

Мама расстроится.

И что из того? Мне нужно.

Он открывает дверцу, идет к заправке. Я снова ложусь и смотрю в потолок. Чувствую, как сердце начинает биться чаще, кладу на него руку и пытаюсь затормозить. Надеюсь, родители не застрянут там надолго.

Через двадцать минут бутылки прибывают. Сажусь, закуриваю, делаю глоток воды. Мама оборачивается.

Тебе лучше?

Если тебе так угодно.

Мы едем в наш загородный дом.

Догадался.

Там на месте решим, что делать.

Ладно.

А сам-то ты что думаешь?

Мне сейчас неохота думать.

Но ведь скоро придется.

Вот и подожду до скорого.

Мы едем на север, в загородный дом. По дороге узнаю, что родители, которые вообще-то живут в Токио, прилетели в Штаты на две недели по делам. В четыре утра им позвонил мой приятель, который был со мной в больнице, он разыскал их в гостинице, в Мичигане. Он сказал, что я упал с пожарной лестницы, разбил лицо и, ему кажется, мне требуется помощь. Он не знает, что именно я принимал, но, судя по всему, принял немало и меня хорошо накрыло. После этого звонка они всю ночь ехали до Чикаго.

Так что это было?

В смысле?

Что ты принимал?

Понятия не имею.

Как это понятия не имеешь?

Не помню.

А что ты помнишь?

Так, обрывки и осколки.

Например?

Не помню.

Мы едем еще несколько минут в тяжелом молчании и приезжаем на место. Выходим из машины, заходим в дом, я сразу иду в душ, потому что больше не могу терпеть. Выйдя из душа, нахожу на своей кровати чистую одежду. Одеваюсь и иду в комнату родителей. Они сидят, пьют кофе, но замолкают, едва я вхожу.

Привет.

Мама снова начинает плакать, отводит взгляд.
Отец смотрит на меня.

Чувствуешь себя лучше?

Нет.

Тебе нужно поспать.

Я и собираюсь.

Вот и хорошо.

Смотрю на Маму. Она на меня не смотрит.
Я вздыхаю.

Я просто.

Отвожу взгляд.

Я просто, в общем.

Смотрю в сторону. Не в состоянии я смотреть
им в лицо.

Я просто, в общем, хотел сказать спасибо. За то,
что встретили меня.

Папа улыбается. Берет Маму за руку, они под-
нимаются, подходят ко мне и обнимают. Мне не
нравится, когда они прикасаются ко мне, поэтому
я отстраняюсь.

Покойной ночи.

Покойной ночи, Джеймс. Мы любим тебя.

Я отворачиваюсь, выхожу из комнаты, закрываю
дверь, иду на кухню. Обыскиваю шкафчики, нахожу
нераспечатанную бутылку виски. От первого глот-
ка желудок вздрагивает, но следующие идут хоро-
шо. Иду к себе в комнату, пью, выкуриваю несколь-
ко сигарет и думаю о ней. Снова пью, курю и думаю
о ней, и в какой-то момент наступает темнота и па-
мять отключается.

Я снова в машине, опять болит голова, изо рта
несет. Мы едем по Миннесоте на северо-запад.
Отец с кем-то созвонился, устроил меня в клинику,
выбора у меня нет, поэтому я соглашаюсь, пока это
меня устраивает. Холодает.

Лицо болит еще сильнее, жутко распухло. Труд-
но говорить, есть, пить, курить. В зеркало лучше не
смотреть.

Заезжаем в Миннеаполис за моим старшим Братом. Он живет в этих краях после развода и знает дорогу до клиники. Он садится рядом со мной на заднее сиденье и берет меня за руку, это успокаивает меня, потому что я боюсь.

Заезжаем на стоянку, паркуемся, я допиваю бутылку, мы выходим из машины и направляемся ко входу в клинику. Я, Брат, Мать и Отец. Все семейство в полном составе. Шествуем в клинику.

Я останавливаюсь, родные тоже. Рассматриваю больничные корпуса. Низкие, длинные, с переходами. Функционально. Дешево. Сердито.

Хочется удрать, или сдохнуть, или обдолбаться. Слепнуть, оглохнуть, не чувствовать ни хера. Заползти в нору и никогда не вылезать. Стереть следы своего существования с карты мира. С этой гробаной карты. Я делаю глубокий вдох.

Идемте.

Мы входим в маленькую приемную. За столом сидит женщина, читает журнал мод.

Поднимает глаза.

Чем могу помочь?

Отец делает шаг вперед и вступает в разговор, а мы с Братом и Матерью садимся на стулья.

Меня трясет с головы до ног. Ноги, руки, губы, грудь. Дрожат крупной дрожью. Бог его знает, почему.

Мать с Братом подвигаются ближе ко мне, берут каждый меня за руку, сжимают, они видят, что творится со мной. Мы смотрим в пол и молчим. Ждем, держимся за руки, дышим и думаем.

Отец заканчивает разговор с дежурной, отворачивается от нее, подходит к нам. У него довольный вид, дежурная звонит по телефону. Отец опускается на колено.

Тебя примут сегодня.

Ладно.

Все будет отлично. Это хорошая клиника. Самая лучшая.

Ясно.

Ты готов?

Наверное.

Мы встаем и идем в другую комнатку, там за столом перед компьютером сидит мужчина. Он поднимается при виде нас и встречает на пороге.

Простите, но вам следует уехать.

Отец кивает.

Мы обследуем его, а вы позвоните позже и узнаете, как дела.

Мать начинает плакать.

Он в хороших руках. Не волнуйтесь.

Брат отводит глаза в сторону.

Он в хороших руках.

Я поворачиваюсь, они обнимают меня. Каждый по очереди, очень крепко. Сжимают и держат. Как могу, показываю им, что я в порядке. Ни слова не говоря, переступаю порог комнаты, мужчина закрывает за мной дверь, они остаются за дверью.

Мужчина указывает мне на стул и возвращается за свой стол. Улыбается.

Здравствуйтесь.

Здравствуйтесь.

Как себя чувствуете?

А как выгляжу?

Не очень.

Чувствую еще хуже.

Вас зовут Джеймс. Вам двадцать три года. Вы живете в Северной Каролине. Все правильно?

Пока правильно.

Вам что-нибудь известно о нашем заведении?

Нет.

Хотите что-нибудь узнать?

Все равно.

Он улыбается, пристально смотрит на меня. Потом говорит.

Наша клиника — старейшее в мире заведение по лечению наркотической и алкогольной зависимости. Мы открылись в 1949 году в старом здании, оно на-

ходило на этом участке, а сейчас здесь тридцать два корпуса, которые соединены между собой. Мы вылечили больше двадцати тысяч пациентов. У нас самый высокий процент выздоровления в мире! У нас шесть отделений, три мужских и три женских, в них постоянно пребывают двести — двести пятьдесят пациентов. Мы считаем, что пациенты должны проводить у нас столько времени, сколько необходимо для их выздоровления, мы не выставляем пациентов после двадцативосьмидневного курса. Хотя пребывание здесь стоит дорого, но многим пациентам мы предоставляем финансовую помощь. У нас есть благотворительный фонд, в нем несколько сот миллионов долларов. Мы не только лечим. Мы занимаем ведущие позиции среди научных и учебных центров в области исследования зависимостей. Считайте, вам крупно повезло, что вы попали к нам. Радуйтесь тому, что вы на пороге новой жизни.

Я смотрю на него. Молчу. Он смотрит на меня и ждет, что я что-нибудь скажу. Неловкий момент. Он улыбается мне.

Вы готовы начать?

Я не улыбаюсь ему.

Да.

Он встает, и я встаю, мы выходим в коридор. Он говорит, я молчу.

Двери не запирают, так что всегда можно выйти, если захотите. Наркотики запрещены, если обнаружится, что вы их принимаете или храните, вас отправят домой. С женщинами, кроме врачей, медсестер и персонала, можно только здороваться, разговаривать запрещено. Если нарушите это правило, вас отправят домой. Есть и другие правила, но с ними вы ознакомитесь в свое время.

Мы входим в терапевтическое отделение. Кругом маленькие палаты, врачи, медсестры и лекарства. На шкафах большие металлические замки.

Он заводит меня в палату. Кровать, стол, стул, шкаф и окно. Все белое.

Он стоит у двери, я сажусь на кровать.
Через несколько минут придет медсестра, побеседует с вами.

Хорошо.

Вы хорошо себя чувствуете?

Нет, паршиво.

Скоро станет легче.

Хм.

Уж поверьте мне.

Хм.

Мужчина уходит, закрыв дверь, и я остаюсь один. Ноги дрожат. Дотрагиваюсь до лица, провожу языком по деснам. Мне холодно, все холоднее и холоднее. Слышен скрип.

Дверь открывается, в палату входит медсестра. Вся в белом, с папкой в руке. Садится на стул у стола.

Здравствуй, Джеймс.

Здравствуйте.

Я задам тебе несколько вопросов.

Хорошо.

Еще померяю тебе давление и пульс.

Хорошо.

Какие вещества ты обычно принимаешь?

Алкоголь.

Каждый день?

Да.

В какое время начинаешь пить?

Как проснусь.

Она записывает.

Сколько выпиваешь за день?

Сколько влезет.

Сколько влезает?

Столько, сколько надо, чтобы выглядеть таким красавчиком, как сейчас.

Она смотрит на меня. Записывает.

Еще что-нибудь принимаешь?

Кокаин.

Как часто?

Каждый день.

Она записывает.
В какой форме?
В последнее время крэк. Но за годы перепробовал все возможные формы.
Она записывает.
Еще что-нибудь?
Таблетки, кислоты, грибы, мет, ангельскую пыль и клей.
Записывает.
Как часто?
Как удастся раздобыть.
Как часто удается?
Несколько раз в неделю.
Записывает.
Она наклоняется ко мне со стетоскопом в руке.
Как себя чувствуешь?
Мерзко.
В каком смысле?
Во всех.
Она касается моей рубашки.
Ты не против?
Нет.
Она задирает рубашку и прикладывает стетоскоп к моей груди. Слушает.
Дыши глубоко.
Слушает.
Хорошо. Еще немного.
Она опускает рубашку, отодвигается и записывает.
Спасибо.
Я улыбаюсь.
Тебе холодно?
Да.
Она достает аппарат для измерения давления.
Тебя тошнит?
Да.
Она надевает манжету мне на руку, больно сдавливает.
Когда в последний раз что-нибудь принимал?